

Личные неимущественные права супругов: необходимость правового регулирования

С.В. Зыков

научный сотрудник Института философии и права Сибирского отделения Российской академии наук. Адрес: 630090, Российская Федерация, Новосибирск, ул. Николаева, 8. E-mail: Zykovsv@yandex.ru

Аннотация

В статье рассматривается вопрос о содержании и юридической технике закрепления в современном российском законодательстве личных неимущественных прав супругов. Целью работы является определение направлений возможной корректировки состава таких прав, чтобы они обеспечивали реализацию личности в семейных отношениях в контексте обеспечения стабильности института семьи. При этом использованы методы: исторический, моделирования, сравнительно-правовой. В той форме, в которой они изложены в Семейном кодексе России, личные неимущественные права не всегда направлены на сохранение семьи как общности. Даже тогда, когда такая направленность присутствует, нормы сформулированы излишне лапидарно. Обращаясь к отечественной правовой истории по рассматриваемому вопросу, мы сталкиваемся с регулированием этих прав на совершенно иных основаниях. В качестве основного результата исследования специальной литературы по рассматриваемому вопросу делается вывод, что содержание личных неимущественных прав супругов в ней рассмотрено в самой минимальной степени. Преимущественно рассматриваются возможности их регулирования брачным договором, классификации, применения для их защиты компенсации морального вреда. Анализ судебной практики приводит к выводу о незначительном практическом значении личных неимущественных прав в действующем нормативном регулировании, что позволяет ставить вопрос об их корректировке, сосредоточившись на их психологическом воздействии на участников соответствующих правоотношений. Обращение к зарубежному законодательству государств континентальной правовой системы позволяет найти решения, направленные на укрепление семьи, оставаясь в той же цивилизационной парадигме. Следует ставить вопрос о заимствовании не только правовых норм как таковых, но и последовательности, приоритетов их представления в законе. Делается также вывод о предпочтительной форме изложения личных неимущественных прав супругов в форме корреспондирующих взаимных обязанностей. Такие права должны занимать приоритетное место в системе изложения. Кроме того, автор предлагает расширить их содержание (понимая спорность ряда предложений, автор предлагает их сделать предметом дискуссии). Права, заимствованные из других отраслей права (на выбор места жительства и рода занятий), должны занять соответствующее подчиненное место и включить в себя оговорки, соответствующие специфике семейных отношений.

Ключевые слова

семейное право, Семейный кодекс Российской Федерации, брачно-семейные отношения, брак, нематериальное благо, неимущественные отношения, права и обязанности супругов.

Для цитирования: Зыков С.В. Личные неимущественные права супругов: необходимость правового регулирования // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2019. № 2. С. 189–208.

УДК: 347.625.1

DOI: 10.17-323/2072-8166.2019.2.189.208

Введение

В современной России наблюдается и признается кризис института семьи. В связи с этим предъявляются, в частности, претензии к отсутствию в Семейном кодексе Российской Федерации (далее — СК РФ) определения семьи как таковой. Нельзя не признать факт данного кризиса, как и его возможные фатальные последствия для общества в целом, но, конечно же, российской семье вряд ли поможет ее законодательная дефиниция. Известно изречение римского юриста Яволенуса Приска (Digesta. L. L, 17. 202): «*omnis definitio in jure civili periculōsa est*» («любое определение в гражданском праве является опасным»), но менее известно продолжение этой фразы через двоеточие — «*parum est enim, ut non subverti posset*» ([поскольку] «мало есть такого, чего нельзя извратить»). Дело не только в том, что трудно сформулировать корректное определение (с семьей дело обстоит именно так), а в том, что определять имеет смысл, если определяемое встроено в механизм правового регулирования. Как известно, в Кодексе семья как таковая не является субъектом права, СК РФ регулирует отношения между физическими лицами. Иными словами, давать определение имеет смысл только одновременно с формированием правового механизма регулирования семейных отношений. В региональном законодательстве дефиниция семьи встречается, тем не менее, мы не увидим прорыва ни в регулировании семейных отношений, ни в социальных последствиях в виде укрепления данного института. Заслуживает внимания и довод, что такое определение не соответствовало бы отечественной правовой традиции [Крашенинников П.В., 2017: 6]. Можно заметить, что отсутствие легального определения семьи характерно и для подавляющего большинства зарубежных правопорядков.

1. Личные неимущественные отношения супругов в отечественном семейном праве

Оставаясь в существующей парадигме, рассмотрим правовое регулирование личных неимущественных отношений супругов. Какое бы содержание мы ни вкладывали в понятие семьи, в любом случае речь идет об *общности*, причем ядром этого союза является общность супругов. Эти отношения, конечно, имеют имущественный аспект, но в действительности на первый план выходят отношения личные. Общеизвестно, что право способно лишь в крайне ограниченной степени регулировать отношения последней категории, что справедливо и применительно к отношениям супругов.

В первую очередь Кодекс выделяет следующие личные неимущественные права супругов (п. 1 ст. 31 СК РФ): на выбор рода занятий, профессии, на выбор мест пребывания и жительства. Подчеркнем, что они указаны в статье «равенство супругов в семье» в самом первом пункте как имеющие принципиальный характер. Но уместно ли такое акцентирование на абсолютных персональных правах при регулировании отношений именно семейных? В литературе, например, ставится вопрос о соответствии нормы о самостоятельном выборе места жительства нормам морали [Демко Е.Ф., Карабицин М.Ю., Агафонов А.В., 2011: 107], и следует признать, что здоровое зерно в такой постановке вопроса есть. Действительно, как могут быть осуществлены эти права в правоотношениях именно супругов? «Руководствуясь п. 1 ст. 31 СК РФ, предоставляющей мне право на выбор места пребывания, я уезжаю на ночь к любовнице»? Или «основываясь на признании моего права на выбор рода занятий, я пошла на панель»? Да, звучит несерьезно, но остается вопрос: каковы последствия реализации этих личных прав именно для *брачных* отношений?

Оговаривая право супругов на выбор места жительства (пребывания), одна из российских ученых отмечает: «С другой стороны, несомненно, что семья может эффективно выполнять свои функции только при совместном проживании супругов» [Пчелинцева Л.М., 2009: 190]. Аналогичные вопросы можно поставить и к праву на выбор фамилии, которому посвящена целая статья 32 СК РФ. Не случайно другой ученый, поставивший себе цель выявить стимулирующее действие правовых норм в данной сфере, обнаружил таковое только в положениях жилищного права (создающих условия для совместного проживания супругов). По отношению к собственно нормам семейного права в ее исследовании вынужденно констатируется их «нейтральный» характер («не устанавливают ни стимулирующих, ни ограничивающих положений») [Семенова И.Ю., 2011: 19].

Таким образом, на первом плане в регулировании личных неимущественных семейных отношений мы наблюдаем права, не отражающие их спец-

ифику, пришедшие в семейное право из конституционного права. Вероятно, в последнем они уместны (исследователи, впрочем, отмечают их религиозное, т.е. иррациональное, в конечном итоге, происхождение [Толстых В.Л., 2016: 55-56, 59]), но насколько они актуальны в частном праве? Частное право регулирует отношения между исходно равными субъектами, более того, между субъектами, образующими общность, в устойчивости и сохранении которой заинтересовано общество, а, следовательно, должен быть заинтересован и законодатель («семейное законодательство исходит из необходимости укрепления семьи ...» — п. 1 ст. 1 СК РФ). В этом случае можно увидеть некоторое противоречие в установлении приоритета прав индивида при регулировании отношений общности, которая ему не противостоит (как слишком часто это делает, к сожалению, государство), а в которой личность непосредственно реализуется.

Разумеется, для объяснения позиции законодателя, в частности, в вопросе закрепления права выбора места жительства, можно использовать историческое толкование. В дореволюционной России устанавливалась обязанность совместного проживания в качестве взаимной (ст. 103 Свода законов Российской Империи), которая имела два аспекта: во-первых, запрет актов, разлучающих супругов, во-вторых, обязанность жены следовать за мужем (случаи, когда супруги освобождались от требования жить в одном и том же месте, устанавливались отсылочной нормой ст. 104). К слову сказать, это не означало «приниженности» статуса женщины, законодатель исходил из разных ролей мужчины и женщины в семье; наделение дополнительными правами предполагало и дополнительные обязанности. Так, согласно ст. 106: «Мужъ обязанъ любить свою жену, какъ собственное свое тѣло, жить съ нею въ согласіи, уважать, защищать, извинять ея недостатки и облегчать ея немощи. Онъ обязанъ доставлять женѣ пропитаніе и содержаніе по состоянію и возможности своей». Чтобы выполнять указанные обязанности, нужно иметь соответствующие возможности, в частности, чтобы обеспечивать содержание — выбирать место жительства, где можно профессионально и социально реализоваться; обязанность «защищать» тоже предполагает, например, возможность выбора безопасной среды. С созданием возможностей для реализации данной обязанности можно связать и обязанность повиновения жены мужу (ст. 107).

Не вдаваясь в анализ статуса женщины в дореволюционном российском праве (применительно к лицам православного вероисповедания), отметим, что система в целом в достаточной мере соблюдала ее интересы. В частности, отмечается предпочтительность ее положения по сравнению с положением женщин в странах Западной Европы в то время [Елисеева А.А., 2010: 83]. Разумеется, вышеуказанные нормы далеки от современного европейского (имея в виду не географическое, а цивилизационное измерение) подхода.

Другой вопрос, куда такой подход нас приведет: судя по процессам депопуляции, эта цивилизация не является конкурентоспособной в долгосрочном плане. Возможно, как это уже неоднократно бывало в истории, ее ждет замена другой либо в результате миграционных процессов, либо в результате принятия обществом новой системы ценностей.

Конституция России закрепляет принцип равенства мужчины и женщины, в частности, в семье, что делает невозможным различия в правовом регулировании (исключая ряд гендерно-асимметричных норм, обусловленных деторождением). Иное решение в настоящее время может быть только результатом выбора супругов. Не посягая на вышеуказанный принцип, следует признать, что регулирование семейных отношений должно отражать их специфику, а право должно реагировать на современные вызовы, а не на проблемы, канувшие в прошлое более века назад (например, очень сомнительно, чтобы в настоящее время при устройстве женщины на работу потребовали письменное согласие ее супруга). Иными словами, в настоящее время не усматривается практической необходимости в рамках *семейного* законодательства акцентироваться на личных правах выбора места жительства (пребывания) и выбора рода занятий.

В настоящее время с учетом беспрецедентного процента разводов проблемой является осуществление того, что можно было бы назвать «правом на семейное благополучие». Его принято рассматривать применительно к ребенку, но было бы нелогичным не признавать его и субъективным правом самих супругов, тем более что второе фактически является предпосылкой первого. Отнюдь не обязательным является закрепление такого права или аналогичного ему в Кодексе. Полагаем более предпочтительным определение реализующих его обязанностей. В связи с этим остановимся на способах воздействия на супружеские правоотношения.

Еще в римском гражданском праве было принято формулировать содержание правоотношений в виде обязательств. Понятно, что обязанностям одной стороны корреспондирует право другой, но в этом случае от перемены мест слагаемых меняется и результат: обязанности, как правило, удается сформулировать более четко и конкретно, чем корреспондирующие им права, что позволяет обеспечить бóльшую определенность правоотношения.

От такого подхода отказались в праве публичном, очевидно, из идеологических соображений и необходимости акцентировать права личности в отношениях с заведомо более сильным субъектом — государством. Подобный подход (проявленный в несопоставимо меньшей степени) можно проследить и в некоторых отраслях частного права, например, в трудовом, в котором неравенство работника и работодателя просматривается во всех сферах регулируемых отношений. Однако в гражданском обязательственном праве регулирование осуществляется преимущественно посредством формулиро-

вания обязанностей субъектов. Такой подход уместен и в семейном праве, по крайней мере, там, где отсутствует заведомо «слабая» сторона, как в супружеских отношениях.

Таким образом, личные неимущественные отношения супругов целесообразно излагать, прежде всего, как их взаимные (по отношению друг к другу) обязанности, направленные на сохранение семьи, реализацию их права на семейное благополучие. Собственно права предпочтительно формулировать там, где они (как члены семьи) имеют дело с третьими лицами, прежде всего, с государством.

2. Личные неимущественные права супругов в зарубежном законодательстве

Рассмотрим регулирование личных неимущественных прав супругов в зарубежном законодательстве. Сразу отметим, что глобальных открытий в праве государств нашей правовой семьи и схожей цивилизационной парадигмы мы не обнаружим. Так, рассматривая вопросы коллизионного регулирования по указанному вопросу, Н.Ж. Осмоналиева не находит практического значения регулирования личных неимущественных отношений супругов, поскольку в разных государствах оно осуществляется на основе принципа равенства и в связи с «отсутствием правовой природы» таких отношений [Осмоналиева Н.Ж., 2015: 160]. По мнению автора настоящей статьи, подобный подход чрезмерно упрощает ситуацию, хотя почва у такого упрощения, следует признать, имеется.

К сожалению, законодательства государств родственной правовой традиции — бывшего СССР (Казахстана, Беларуси, Армении, Азербайджана, Таджикистана) — мало чем здесь могут помочь: подавляющее большинство соответствующих положений сформулированы в них аналогично положениям СК РФ. Действительно, отличия (не считая редакционных) редки и незначительны: ч. 4 ст. 32 Семейного кодекса Кыргызской Республики говорит о «равной обязанности в отношении домашнего труда». На наш взгляд, представляет интерес положения ч. 2 ст. 55 Семейного кодекса Украины — «муж обязан утверждать в семье уважение к матери. Жена обязана утверждать в семье уважение к отцу».

В то же время редакционные нюансы тоже важны: скажем, ст. 16 Семейного кодекса Молдовы 2000 г. начинается не с личных прав супругов относительно рода занятий и места жительства (они приводятся в ч. 2 и 3 ст. 16), а с указания на совместное решение супругами «всех вопросов семейной жизни». Согласно ч. 2 ст. 18 супруги обязаны морально поддерживать друг друга и хранить супружескую верность. Статья 1155 «Совместное решение семей-

ных вопросов» Гражданского кодекса Грузии стоит раньше статей, посвященных свободе выбора рода деятельности и места жительства. Статья 22 Семейного кодекса Республики Узбекистан, закрепляющая указанные персональные права супругов, стоит последней в главе 4, посвященной личным неимущественным правам и обязанностям супругов. «Загнаны» эти права в последнюю четвертую часть ст. 50 «Равноправие супругов» и в Семейном кодексе Туркменистана.

Литовское законодательство специально регламентирует личные неимущественные права в ст. 3.27. Гражданского кодекса «Обязанность супругов поддерживать друг друга», устанавливая обязанности взаимных лояльности и уважения, взаимной поддержки моральной и материальной. Далее в ст. 3.31 регулируется вопрос выбора фамилии (на этом регулирование личных неимущественных отношений заканчивается).

В §15 Эстонского Закона о семье в качестве последствия заключения брака определено появление «брачного сожительства», обязывающего к взаимному уважению и поддержке. Устанавливая равные права, законодатель сразу же оговаривает и равные обязанности в отношении друг друга и семьи. Супруги совместно организуют брачное сожительство и удовлетворение семейных нужд, имея в виду интересы друг друга и детей. Право на выбор рода занятий прямо не оговаривается, зато в п. (2) того же § 15 говорится, что, выбирая сферу деятельности, супруг должен наилучшим образом использовать возможности обеспечивать семью. Также прямо не оговаривается права на выбор места жительства, что не лишает, разумеется, супругов этих гражданских прав, в том числе на отдельное проживание. В то же время, если отдельное проживание обусловлено поведением супруга, это лишает его права требовать выплат на свое содержание ((3) §16). В § 21 устанавливается понятие “общее семейное жилище”.

Как известно, Латвия пошла по пути восстановления гражданского законодательства межвоенного периода — Гражданского закона 1937 года, (Закон «О Гражданском законе Латвийской Республики 1937 года» от 14.01.1992), в первой части которого «Семейное право» содержится подраздел «Личные права супругов». Личные обязанности определены в ст. 84: быть взаимно верными, жить вместе, поддерживать друг друга, совместно заботиться о благосостоянии семьи. Далее в ст. 85 устанавливается равенство прав супругов и возможность решения споров через суд; в ст. 86 определяется порядок выбора фамилии при заключении брака. Статьи 87 и 88 содержат регулирование имущественных отношений.

Балтийское право, как известно, сформировалось под значительным влиянием права германского (хотя можно найти и влияния, связанные с нахождением в составе Российской Империи). Германское право оказало в XVIII–XIX веках влияние и на русское частное право. Германское граж-

данское уложение не выделяет структурно личные неимущественные права, они обнаруживаются в § 1363 гл. 4 кн. 5: «Брак заключается на всю жизнь. Супруги обязаны друг к другу вести совместную брачную жизнь». Во второй части указанного параграфа установлены ограничения обязанностей по отношению к другому супругу в случаях злоупотребления правом и при распаде брака.

Нормы § 1355, который регулирует право на фамилию, «выбиваются» из стандартных для современного европейского (в самом широком смысле этого слова) права формулировок, устанавливая презумпцию присвоения в качестве общей фамилии мужа. Как и любая презумпция, она опровержима (в данном случае заявлением, которое делает сотруднику органа ЗАГС супруг, желающий сохранить добрачную фамилию). На наш взгляд, аналогичное положение можно было бы установить и в ст. 32 СК РФ: это уведет вопрос из плоскости борьбы самолюбий в плоскость «так принято», тем самым снижая потенциал конфликтности. По данным соцопросов, по-прежнему большинство молодежи (независимо от гендерных различий) выступает за то, чтобы жена брала фамилию мужа (берут около 85%); из исследований, проведенных в разное время, явствует, что эти показатели являются вполне устойчивыми.

Согласно ч. (2) § 1356 при выборе и осуществлении деятельности, приносящей доход, супруг должен учитывать интересы другого супруга и семьи в целом. Остальные параграфы главы относятся к имущественным отношениям, например § 1360 устанавливает взаимную обязанность супругов своим трудом и имуществом содержать семью.

Посмотрим законодательство других государств сходной с Россией исторической судьбы (имея в виду историческую принадлежность к восточному христианству и/или участие в социалистическом эксперименте). В ст. 4 Сербского Семейного закона устанавливается, что брак является прочным союзом («трајнија заједница») жизни мужчины и женщины, исключаящим наличие внебрачных партнеров. В ст. 7 устанавливается равенство прав родителей; ст. 8 устанавливает обязанность поддержки членов семьи; ст. 13 устанавливает каждому право на имя. Ст. 25 устанавливает обязанности супругов вести совместную жизнь («заједнички живот»), а также взаимного уважения и взаимопомощи. Ст. 26 устанавливает свободу супругов в выборе рода занятий, согласно ст. 27 супруги совместно принимают решение о выборе места жительства и ведении совместного домашнего хозяйства («заједничког домаћинства»). В ст. 28 повторяется обязанность поддержки применительно к супругам.

В Семейном Кодексе Болгарии ст. 12, посвященная выбору фамилии, содержится в Главе второй «Заключение брака». Глава третья «Личные отношения между супругами» (в действовавшей до 01.10.2009 редакции личные

отношения структурно не выделялись) начинается с закрепления принципа равенства (ст. 13). Далее в ст. 14 закрепляются принципы взаимоотношений супругов: взаимоуважение, обязанность общего «ухода» («грижи») за семьей, взаимопонимание. Под «уходом» в ст. 17 понимается обязанности благодаря взаимопониманию и совместным усилиям, сообразно своим возможностям, в том числе имущественным обеспечивать благополучие семьи, а также воспитание, образование, содержание детей. По ст. 15 супруги живут вместе, если особые обстоятельства не заставляют их жить раздельно. Лишь в ст. 16 провозглашается свобода личности супругов, в том числе право на выбор профессии.

Ст. 1386 Гражданского кодекса Греции 1946 г. (в действующей редакции), обязывает супругов проживать совместно (если это не нарушает их права), ст. 1387 обязывает совместно решать вопросы семейной жизни, общность жизни («του κοινού τους βίου») не должна нарушать их личную сферу, в том числе профессиональную. Далее в ст. 1388 устанавливается право выбора фамилии; ст. 1389 устанавливает обязанность обоих супругов по мере их возможностей вносить вклады (трудом и имуществом) в удовлетворение потребностей семьи; ст. 1390 поясняет, что речь в этом случае идет о взаимных обязанностях содержания, содержания детей и, в целом, совместной обязанности содействовать общности домашней жизни как этого требует брачное сожитительство. В дальнейших статьях регулируются имущественные отношения.

3. Доктринальные предложения de lege ferenda в отношении состава и содержания личных неимущественных прав супругов

Возможности заимствования норм зарубежного права в исследованиях некоторых российских ученых ограничиваются предложением воспринять общее дозволение решения спорных вопросов через суд [Никитин Д.Н., 2013: 17]. Справедливости ради отметим, что данное предложение не относится к основным выводам указанного исследователя в отношении личных неимущественных прав. De lege ferenda им заявлены вопросы, регулирующие отношения супругов с суррогатной матерью, а также последствия совершения сделки дарения при признании брака фиктивным [Никитин Д.Н., 2013: 10–11]. В другой работе, посвященной регулированию личных неимущественных отношений в законодательстве государств СНГ, ее автор, декларируя наличие того, что можно «почерпнуть из позитивного опыта российскому законодателю» [Саенко Л.В., 2014: 22, 27], не приводит правовых норм, которые можно было бы внести в СК РФ. Трудно согласиться и с

утверждением, что «постепенное расширение сферы правового воздействия на личные неимущественные отношения является общей закономерностью» [Елисеева А.А., 2010: 83]: на практике мы не видим бурного законодательства в этой сфере.

Все это, на наш взгляд, подтверждает крайнюю фактическую ограниченность вариантов решений по регулированию таких отношений в существующих условиях. Этот тезис подтверждается и при обращении к работам, рассматривающим личные неимущественные права вне сравнительного правоведения. Значительная часть усилий авторов, посвятивших этой теме диссертационные исследования, посвящена рассмотрению вопросов систематизации личных неимущественных прав и возможности их регулирования в брачном договоре [Елисеева А.А., 2008: 9, 11, 19; Никитин Д.Н., 2013: 9], — вопросов, безусловно, важных, но вряд ли первоочередных в смысле их общественного значения. Предлагая установить возможность регулировать в брачном договоре личные неимущественные права, один из исследователей указывает, что такие положения «хотя и не связывает супругов, будут служить ориентиром для них» [Ахмедов А.Я., 2016: 5]. Однако не уместнее тогда установить такие правила в нормативном порядке, исходя из существующих в обществе иных социальных норм?

В то же время в работах по личным неимущественным семейным правам затрагиваются вопросы регулирования отношений по воспитанию детей. Например, предлагается закрепить обязанность детей почитать и уважать родителей, фактически обеспечить равенство прав родителей [Елисеева А.А., 2008: 12–13], с чем нельзя не согласиться, но и нельзя не признать, что речь в этом случае идет о другом юридическом институте семейного права. При этом следует понимать, что перевод регулирования родительских отношений в раздел, касающийся отношений супружеских, приведет или к дублированию нормативного материала (что вряд ли правильно с точки зрения юридической техники), или к обеднению нормативного регулированию родительских отношений лиц, не состоящих в браке (что еще хуже, поскольку может привести, в частности, к ущемлению интересов отдельно проживающего родителя). Очевидно, что, например, взаимное поддержание родительского авторитета — обязанность (минимум этическая и педагогическая), независимая от существования брака, на практике более актуальная именно при его отсутствии. Теоретически в рамках брачных отношений уместно регулировать вопросы планирования деторождения; уместность здесь остальных аспектов родительских отношений не может не вызывать вопросов.

Встречается в литературе и «личное неимущественное право супруга на расторжение брака». Следует отметить, что автор этой концепции не останавливается на анализе правовой природы столь не очевидного права. На-

сколько можно понять мысль исследователя (прямо не сформулированную), она считает это право средством защиты личных неимущественных прав, закрепленных за супругами [Климова С.А., 2007: 12–15]. Справедливости ради нужно отметить, что в одном из судебных постановлений [Там же] встречается такая интерпретация права на расторжение брака (заметим, что в спорном контексте — в связи с онкологическим заболеванием другого супруга). Однако данный охраняемый законом интерес имеет полноценный механизм реализации и вряд ли нуждается в закреплении в качестве личного неимущественного права

В рамках существующего регулирования субъектом требования о расторжения брака может быть и супруг, права которого не нарушались, и даже супруг, сам являющийся нарушителем прав другого, если он настаивает на разводе, брак будет расторгнут. Существует мнение, что действующий механизм расторжения несовершенно. Так, в исследовании А.И. Антонова и С.А. Сорокина, которое приводится в списке литературы многих курсов по социологии семьи, говорится: «В вопросе о разводе именно отказ законодателя от учета интересов детей выражает отказ законодателя от учета прав семьи на целостность, на автономию семьи, на ее суверенность» [Антонов А.И., Сорокин С.А., 2000: 170]. Сказано полемически остро, но озвученная проблема есть, однако ее рассмотрение — за пределами настоящей работы. В действующем правовом поле обеспеченные правом возможности расторжения брака, на наш взгляд, следует рассматривать как охраняемый законом интерес, основанный на принципе добровольности брачного союза. Выделение соответствующего личного неимущественного права не оправдано ни теоретическими, ни практическими соображениями.

Интересно рассмотрение супружеских отношений в иных отраслях права. Некоторые исследователи делают вывод, что «супруги во многих правоотношениях выступают как квазиединый субъект права», в связи с чем предлагается принять федеральный закон «О правовом статусе супругов» [Селецкая С.Б., Яковлева Е.А., 2016: 39]. По нашему мнению, достаточного нормативного материала (в том числе в процитированной работе) для вывода о необходимости отдельного федерального закона действующее законодательство не содержит. Можно частично согласиться с обоснованием указанного вывода правом не свидетельствовать против супруга в административном процессе, но это право, как известно, распространяется и на других лиц (родителей, детей, усыновителей, усыновленных, родных братьев и сестер, дедушек, бабушек, внуков). В уголовном праве при освобождении уголовной ответственности от показаний также кроме супруга оговариваются близкие родственники.

Положения избирательного законодательства и корреспондирующие им положения Налогового кодекса России, обязывающие учитывать источни-

ки дохода и имущества супруга, являются нормой крайне узкого действия по кругу лиц, а положения налогового законодательства о взаимозависимых лицах охватывают, кроме супруга, весьма обширный перечень субъектов. Это же обстоятельство (указание не только супруга, но и иных лиц) подрывает аргументацию в части ссылок на Гражданский кодекс РФ о защите частной жизни гражданина после его смерти, на положения гражданского законодательства, связанные с запретом дарения и возмещением вреда лицам в результате потери кормильца, а также на специальный закон об особенностях правового положения крестьянского (фермерского) хозяйства в части субъектного состава [Селецкая С.Б., Яковлева Е.А., 2016: 37-39]. Единственный случай, где данное возражение не действует — определение общей совместной собственности супругов, однако это имущественные отношения, в достаточной степени урегулированные семейным законодательством и гражданским правом. Таким образом, вывод о «субъектности» (квази-субъектности) супругов в иных отраслях права является не слишком обоснованным, при том, что такая субъектность, по нашему мнению, была бы желательна. Это перспективное направление правовых исследований и, по их результатам, внесения изменений в законодательство.

Рассматривая вопрос о корректировке правовых норм, мы неизбежно сталкиваемся с проблемой, которая называется в психологии «экология отношений», т.е. не повлекут ли изменения в долгосрочной перспективе последствия, которые мы не учитывали, когда предлагали изменения? В связи с этим следует проанализировать, как применяются судами рассматриваемые нормы.

4. Личные неимущественные права супругов в судебной практике по семейным спорам

Личные неимущественные права преимущественно упоминаются в режиме «попутно сказанного» при разрешении жилищных и имущественных споров. Разумеется, значительно чаще при рассмотрении споров данных категорий суды обходятся без такого упоминания личных неимущественных права, используя нормы, регламентирующие имущественные отношения супругов, а также нормы жилищного права, определяющие права и обязанности членов семьи собственника или нанимателя. Однако встречаются и исключения из этой общей тенденции.

Так, в мотивировочной части судебных актов порой можно найти «дополнения» понятия членов семьи в смысле жилищного права со ссылкой на норму о личных правах супругов, что не является, по нашему мнению, удачным решением. Иногда в решениях явно спутаны нормы семейного и

жилищного кодексов: «Согласно ч. 1 ст. 31 СК РФ к членам семьи собственника жилого помещения относятся проживающие совместно с данным собственником в принадлежащем ему жилом помещении его супруг, а также дети и родители данного собственника». Подобного рода «слияние» норм разных кодексов встречается и в других решениях. Встречается также избыточное (по отношению к нормам жилищного законодательства) упоминание норм п. 3 ст. 31 СК РФ в связи со спорами, связанными с регистрацией несовершеннолетнего по месту жительства одного из родителей. Является более правильным приводимое в ряде судебных актов противопоставление норм Семейного и Жилищного кодексов как разноотраслевых и имеющих разные цели правового регулирования. Используя оборот «по смыслу» во взаимосвязи с другими нормами, суд сослался на возможность соглашением родителей определить место жительства детей (для целей выявления жилищных прав последних), хотя достаточной в этом контексте была бы ссылка на нормы, определяющие права и обязанности родителей.

Сославшись на возможность выбора места жительства супругами, суд счел обоснованным не учитывать жилое помещение, принадлежащее одному из них для целей признания прав на жилищную субсидию. Что касается субсидии на оплату жилого помещения и коммунальных услуг, то при оспаривании положений федерального акта, требующих учитывать доходы супруга независимо от факта совместно проживания, отказывая в принятии к рассмотрению жалобы, Конституционный Суд России сослался на то, что содержание прав и обязанностей супругов «должно определяться с учетом принципа, сформулированного в пункте 1 статьи 1 указанного Кодекса [СК РФ], который предполагает построение семейных отношений на основе взаимопомощи и ответственности перед семьей всех ее членов. Применительно к взаимоотношениям супругов данный принцип конкретизирован в положениях Семейного кодекса Российской Федерации, возлагающих на них обязанность оказывать друг другу помощь, в том числе материальную (пункт 3 статьи 31 и пункт 1 статьи 89)». Разумеется, красиво сформулировано, но ввиду того, что речь шла об имущественных правах, формулировка мало потеряла бы содержательно при ссылке лишь на п. 1 ст. 89 СК РФ.

Также встречаются решения, когда правом выбора места жительства обосновывалась возможность состоять на регистрационном учете (в контексте необходимости улучшения жилищного положения в силу изменения семейного положения). Здесь же упоминается норма п. 2 ст. 31 СК РФ в связи с привлечением родителей к договорной ответственности по внесению платы за жилое помещение, в котором проживали, в частности, их дети. И в этом случае было бы достаточно норм жилищного права, а также норм, регулирующих родительские отношения.

Перейдем к гражданско-правовым спорам. Ссылка на личные неимущественные права супругов послужила одним из оснований для компенсации морального вреда в связи с причинением вреда здоровью супругу или в связи с причинением супругу вреда жизни. Однако в этом случае имеет значение само наличие личных неимущественных отношений супругов безотносительно их конкретного содержания.

В то же время в делах, где личные неимущественные права сталкиваются с нормами гражданского (наследственного) права (в приведенном деле — понятие «недостойный наследник»), суд применяет нормы наследственного права (истцы ссылались на недостойное поведение ответчицы — супруги: не вызвала болевшему онкологическим заболеванием супругу скорую помощь, подала на развод).

В делах по договорным спорам (в данном случае — оспаривание договора пожизненного содержания с иждивением) также встречаются явно ошибочные положения, касающиеся личных неимущественных прав: «При этом указанное в договоре понятие содержания — обеспечение питанием, одеждой, уходом и необходимой помощью и сохранение права бесплатного пожизненного пользования долей жилого дома и земельного участка — относится с личным неимущественным обязанностям супругов по отношению друг к другу» (формулировка позволяет только гадать, что именно хотел сказать суд).

Личные неимущественные права супругов упоминаются и в спорах, посвященных разделу общего имущества супругов в части определения его состава. Однако норма, согласно которой учитывается труд по ведению домашнего хозяйства, содержится, как известно, в п. 3 ст. 34 СК РФ, регулирующей имущественные отношения. Кроме того, формулировка судебного решения («домашний труд» исходя из закрепленного ст. 31 СК РФ принципа равенства супругов в семье приравнивается к труду работающего мужа») не является корректной: она сама по себе определяет не приравнивание домашнего труда к получению доходов, а возможность соглашением супругов распределить соответствующие семейные обязанности (на основе равенства); цитируя именно ее в данном контексте, следовало бы сослаться на соглашение супругов, чего в рассматриваемом решении сделано не было.

Рассматривая спор из административных правоотношений о нарушении миграционного законодательства, суд не принял во внимание довод о вмешательстве в семейную жизнь исходя из факта проживания супруга — административного истца на территории России.

Наконец, встречаются решения со ссылкой на п. 3 ст. 31 СК РФ в связи с расторжением брака. Однако в нашей правовой системе не требуется доказывать факта нарушения прав для расторжения брака, основания для вынесения решения (невозможность совместной жизни и сохранение семьи)

содержатся в п. 1 ст. 22 СК РФ. Справедливости ради отметим, что примеры, выпадающие из указанной закономерности, существуют, но они являются единичными. Так, отказывая в иске о компенсации морального вреда в связи с тем, что супруг неправомерно (по мнению истца) увезен сыном к нему домой (помимо того, что суд не счел доказанным, что это делалось вопреки воле увезенного супруга), суд, кроме всего прочего обосновал отказ в иске правом супруга на выбор места жительства. Таким образом, практическое значение формулировок личных неимущественных прав в современной правоприменительной судебной практике крайне невысоко. Если они и применяются, то по совокупности с другими нормами права, и этих «других» норм права было бы вполне достаточно для регулирования спорного отношения и для вынесения решения. Это позволяет ставить вопрос об изменении существующих норм.

В рамках рассматриваемой темы не нельзя не затронуть вопрос, что дадут указанные изменения на практике: возможности регулирования правом личных неимущественных отношений, как известно, крайне ограничены. Совершенно справедливо отмечается, что практически все семейные отношения подлежат регулированию социальными нормами, не относящимся к правовым, однако в настоящее время по очень многим причинам традиционные механизмы воздействия на семейные отношения ослабли. Это привело к тому, что личные неимущественные отношения супругов оказались практически не урегулированными, и право оказалось не в состоянии в должной мере взять на себя роль регулятора данных отношений [Елисеева А.А., 2008: 3-4]. В литературе [Шодонова М.Э., 2015] также указывается, что недостаточная детализированность порядка осуществления личных неимущественных прав создает возможности злоупотребления ими, отмечается возможность злоупотребления в вопросах материнства (отцовства) со стороны супруги и в части права на семейную тайну.

Ответ на вопрос о практическом значении регулирования личных неимущественных отношений будет вполне ожидаемым: во-первых, нормы права имеют и психологическое, воспитательное значение. В литературе справедливо отмечается «стимулирующий» [Бурдо Е.П., 2015: 123] или «декларативный» [Никитин Д.Н., 2013: 15]; [Елисеева А.А., 2010: 85–86] характер данных норм, их «воспитательная роль» [Нечаева А.М., 2015: 78]. Поскольку такие нормы обращены не столько к правоприменителю, сколько к самим участникам правоотношений, то формулировки, выстраивание приоритетов имеют особое значение. При этом было бы крайне желательно, чтобы формулировки правовых норм оказывали *созидательное* воздействие в смысле выстраивания семейных отношений.

Кроме того, применительно к личным неимущественным правам супругов установлены квазисанкции. Например, в ст. 92 СК РФ предусмотрено ос-

вобождение супруга от обязанности по содержанию (или ее ограничение) в случае «недостойного поведения» требующего выплаты алиментов супруга. Помощь в раскрытии указанного оценочного понятия может оказать определение содержания личных неимущественных прав и обязанностей супругов. В этом же контексте справедливо утверждение исследователей, что личные неимущественные права подлежат рассмотрению в ряде дел о расторжении, признании недействительным (санации), восстановлении брака [Гордеюк Е.В., 2016: 5-6].

Разумеется, мы не предполагаем, что изменения решительным образом переломят негативные тенденции в институте семьи в современной России: этот кризис обусловлен целой совокупностью факторов и правовые лишь в их числе. К последним можно отнести, например, правовое регулирование расторжения брака и послеразводных отношений. Однако это вопросы — выходящие за рамки настоящего исследования.

Заключение

Пункт 3 ст. 31 СК РФ имеет смысл сделать первым пунктом, тем самым ясно обозначив приоритеты. При этом полезно более наглядным образом перечислить обязанности супругов. Нынешняя формулировка личных неимущественных прав приводит к тому, что в литературе встречаются пассажи: «Что касается необходимости содействовать благополучию и укреплению семьи, благосостоянию детей, то в СК подобного рода положения находят развитие в той его части, которая посвящается имущественным правам и обязанностям супругов» [Нечаева А.М., 2015: 78]. Очевидно, что это редуцирование к имущественным отношениям — результат неотрефлексированности, недостаточной развернутости указанных норм.

Например, можно предложить следующие дополнения (на основе положений законодательства близких правовых систем): «супруги обязаны поддерживать родительский авторитет друг друга (в том числе после расторжения брака)» (аналогичная норма должна быть закреплена в родительских обязанностях); указать на ответственность каждого из супругов за сохранение и благополучие семьи, имея в виду как интересы друг друга, так и интересы детей; обозначить взаимную обязанность стремиться к взаимопониманию.

Ряд положений приведенных выше выглядит спорно. Так, никоим образом не оспаривая обязанность взаимной верности супругов в качестве моральной и нравственной, автор настоящей статьи находит сомнительным решение поддерживать ее грубой рукой закона. С другой стороны, можно было бы обсудить понятие «общность жизни» (идущего из известного опре-

деления римского права и встречающегося в современных зарубежных законодательствах), которую супруги должны утверждать и поддерживать. В любом случае, было бы странно со стороны автора настоящей статьи претендовать на законченное решение столь запутанного вопроса. Для этого необходимо собрать и проработать разные мнения и формулировки.

Пункт 1 ст. 31 СК РФ лучше сделать последним, указав на ограничения: «с учетом интересов семьи, в том числе воспитания и содержания общих несовершеннолетних детей». Другие варианты: закрепить обязанность совместного проживания с оговорками, принятыми в таких случаях в зарубежном праве: «...если особые обстоятельства не заставляют их жить раздельно» или «если это не нарушает их права»; или можно указать то, что супруги совместно принимают решение о выборе места жительства. Также необходимо рассмотреть возможность дополнения правилом о выборе сферы деятельности, рода занятий аналогичными зарубежным оговоркам в соответствующих случаях, например: «выбирая сферу деятельности, супруг должен наилучшим образом использовать возможности для обеспечения семьи».

Целесообразно подумать о внесении в ст. 32 СК РФ нормы, предусматривающей фамилию супруга в качестве общей (разумеется, в качестве диспозитивной), но только при условии предварительной оценки общественного резонанса: не хотелось бы, чтобы такое мало на что влияющее изменение вызвало очередные споры в нашем и без того крайне разобщенном социуме.

Библиография

- Антонов А.И., Сорокин С.А. Судьба семьи в России XXI века. М.: Грааль, 2000. 416 с.
- Ахмедов А.Я. Поименованные и непоименованные договоры, направленные на укрепление семьи // Семейное и жилищное право. 2016. № 6. С. 4–7.
- Бурдо Е.П. Понятие и виды личных неимущественных отношений в Российской Федерации // Вестник Межрегионального открытого социального института. 2015. № 2. С. 119–124.
- Гордеюк Е.В. Нематериальные блага в сфере нравственности как объекты брачных правоотношений // Семейное и жилищное право. 2016. № 3. С. 4–6.
- Демко Е.Ф., Карабицин М.Ю., Агафонов А.В. Личные неимущественные права супругов и их соотношение с нормами морали // Основные тенденции развития Российского законодательства. 2011. № 6. С. 107–108.
- Елисеева А.А. Правовое регулирование личных неимущественных отношений в семейном праве Российской Федерации: автореф. дис. ... к.ю.н. М., 2008. 25 с.
- Елисеева А.А. О совершенствовании семейного законодательства в области правового регулирования личных неимущественных отношений // Журнал российского права. 2010. № 3. С. 82–89.
- Климова С.А. Личное неимущественное право супруга на расторжение брака и его реализация в судебном порядке // Семейное и жилищное право. № 3. 2007. С. 12–15.

Крашенинников П.В. Нужен ли России новый Семейный кодекс? // Семейное и жилищное право. 2017. № 1. С. 3–7.

Нечаева А.М. Семейное право. М.: Юрайт, 2015. 303 с.

Никитин Д.Н. Правовое регулирование личных неимущественных отношений супругов: вопросы теории и практики: автореф. дис.... к.ю.н. Курск, 2013. 26 с.

Осмоналиева Н.Ж. Коллизионная регламентация личных неимущественных и имущественных прав супругов в Кыргызской республике // Современные проблемы гуманитарных и естественных наук: материалы научно-практической конференции. Бишкек: Институт стратегических исследований, 2015. С. 159–162.

Пчелинцева Л.М. Семейное право России. М.: Норма, 2009. 720 с.

Саенко Л.В. Личные неимущественные права супругов по семейному законодательству стран-участников СНГ: о пользе сравнительного правоведения // Гуманитарный научный журнал. 2014. № 2. С. 22–27.

Селецкая С.Б., Яковлева Е.А. О некоторых особенностях правового статуса супругов и его межотраслевой природе // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2016. № 3. С. 37–40.

Семенова И.Ю. Действие правовых стимулов и ограничений в регулировании личных прав и обязанностей супругов // Право и государство: теория и практика. 2011. № 3. С. 14–20.

Толстых В.Л. Ренессансное понимание достоинства и его влияние на современную концепцию прав человека // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2016. № 2. С. 48–61.

Шодонова М.Э. Проблема злоупотребления правом в отношениях между супругами // Nauka-rastudent.ru. 2015. Available at: URL: <http://nauka-rastudent.ru/20/2893> (дата обращения: 14.03.2019)

Pravo. Zhurnal Vyshey Shkoly Ekonomiki. 2019. No 2

Personal Non-property Rights of Spouses: Need in Legal Regulation

Sergey V. Zykov

Researcher, Institute of Philosophy and Law, Siberian branch, Russian Academy of Sciences. Address: 8 Nikolaeva Str., Novosibirsk 630090, Russian Federation. E-mail: Zykovsv@yandex.ru

Abstract

The article deals with the content and form of presentation in the current Russian legislation of personal non-property rights of spouses. The purpose of the work is to determine the directions for possible adjustment of these rights in terms of their functions to ensure the possibility of executing personality in family relationships, the prerequisite of which is to ensure the stability of the family institution. At the same time, historical, modeling, comparative law methods were used. In the presented form, they are not always aimed at preserving the family as a community; At the same time, when such an orientation is present, the norms are formulated too lapidary. Turning to the domestic legal history on

this issue, we, of course, come across their regulation on completely different grounds. As the main result of the examination of the specialized literature on the issue, it is concluded that the content of the personal non-property rights of the spouses in it is considered at the very minimum. Predominantly considered the possibility of their regulation of the marriage contract, classification, application to protect compensation for moral harm. The analysis of judicial practice leads to a conclusion about the insignificant practical significance of personal non-property rights in the current normative submission, which allows us to raise the issue of their adjustment, focusing on their psychological impact. The appeal to the foreign legislation of the states of the continental legal system and similar historical experience allows us to find solutions aimed at strengthening the family, remaining in the same civilizational paradigm. It is necessary to raise the issue not only of borrowing legal norms as such, but also of consistency, the priority of their representation in the law. The conclusion is also made about the preferential form of presentation of personal non-property rights of spouses in the form of corresponding reciprocal obligations. Such rights should be a priority in the system of presentation. In addition, the author proposes to expand their content (understanding the controversy of a number of proposals, the author proposes to make them a subject of discussion). Rights borrowed from other branches of law (to choose the place of residence and occupation) should take the appropriate subordinate place and include reservations that are specific to the family relationship.

Keywords

family law; Family Code of the Russian Federation; marital relations; matrimony; intangible benefit; non-property relations; rights and duties of spouses.

For citation: Zykov S.V. (2019) Personal Non-property Rights of Spouses: Need in Legal Regulation. *Pravo. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki*, no 2, pp. 189–208 (in Russian)

DOI: 10.17-323/2072-8166.2019.2.189.208

References

- Antonov A.I., Sorokin S.A. (2000) *The Fate of Family in Russia in the 21st Century*. Moscow: Graal, 416 p. (in Russian)
- Ahmedov A.Ya. (2016) Named and Unnamed Contracts Aimed at Strengthening the Family. *Semejnoe i zhilishchnoe pravo*, no 6, pp. 4–7 (in Russian)
- Burdo E.P. (2015) The concept and types of personal non-property relations in the Russian Federation. *Vestnik Mezhhregional'nogo otkrytogo social'nogo instituta*. no 2, pp. 119–124 (in Russian)
- Gordeyuk E.V. (2016) Non-material Benefits in the Sphere of Morality as Objects of Marriage Relations. *Semejnoe i zhilishchnoe pravo*, no 3, pp. 4–6 (in Russian)
- Demko E.F., Karabycin M.Yu., Agafonov A.V. (2011) Personal Non-property Rights of Spouses and their Correlation with the Moral Norms. *Osnovnye tendencii razvitiya Rossijskogo zakonodatel'stva*, no 6, pp. 107–108 (in Russian)
- Eliseeva A.A. (2008) Legal Regulation of Personal Non-property Relations in the Family Law of Russia. Candidate of Juridical Sciences Summary. Moscow, 25 p. (in Russian)
- Eliseeva A.A. (2010) On the Improvement of Family Legislation in the Field of Legal Regulation of Personal Non-property Relations. *Zhurnal rossijskogo prava*, no 3, pp. 82–89 (in Russian)

- Klimova S.A. (2007) Personal Non-property Right of the Spouse to Divorce and its Implementation in Court. *Semeinoe i zhilishchnoe pravo*, no 3, pp. 12–15 (in Russian)
- Krashennikov P.V. (2017) Does Russia Need a New Family Code? *Semejnoe i zhilishchnoe pravo*, no 1, pp. 3–7 (in Russian)
- Nechaeva A. M. (2015) *Family Law*. Moscow: Yurait, 303 p. (in Russian)
- Nikitin D.N. (2013) Legal Regulation of Personal Non-property Relations of Spouses. Candidate of Juridical Sciences Summary. Kursk, 26 p. (in Russian)
- Osmonalieva N.Z. (2015) Conflict regulation of personal non-property and property rights of spouses in the Kyrgyz Republic]. *Sovremennye problemy gumanitarnykh i estestvennykh nauk materialy konferencii*. Bishkek: Institut strategicheskikh issledovaniy, pp. 159–162 (in Russian)
- Pchelinceva L.M. (2009) *Family Law of Russia*. Moscow: Norma, 720 p. (in Russian)
- Saenko L.V. (2014) Personal Non-property Rights of Spouses in the Family Legislation of the CIS Countries: Benefits of Comparative Law. *Gumanitarnyj nauchnyj zhurnal*. no 2, pp. 22–27 (in Russian)
- Seletskaya S.B., Yakovleva E.A. (2016) Some Peculiarities of the Legal Status of Spouses and its Intersectoral Nature. *Vestnik Kazanskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii*. no 3, pp. 37–40 (in Russian)
- Semenova I.Y. (2011) Effects of Legal Incentives and Restrictions on the Regulation of Personal Rights and Duties of Spouses. *Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika*, no 3, pp. 14–20 (in Russian)
- Shodonova M.E. (2015) Abuse of Law in Relations between Spouses. Nauka-rastudent.ru. Available at: URL: <http://nauka-rastudent.ru/20/2893/> (in Russian)
- Tolstykh V.L. (2016) Renaissance Understanding of Dignity and its Impact on the Modern Concept of Human Rights. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedenij. Pravovedenie*, no 2, pp. 48–61 (in Russian)